

Перед тем как немного отдохнуть, я хочу сделать эти записи для будущего отчета. То, с чем я встретился, так удивительно, так не похоже на все виденное мною раньше и так превосходит все наши представления, что заслуживает самого тщательного описания.

Я приземлился на главную посадочную площадку Венеры 18 марта по земному календарю и VI, 9 — по местному. Меня включили в основную, возглавляемую Миллером группу, выдали все необходимое, в том числе часы, учитывающие более ускоренное, по сравнению с Землей, вращение Венеры, и заставили пройти обычную серию тренировок в шлеме. Через два дня я был признан годным для исполнения своих обязанностей.

Покинув на рассвете VI, 12 центр компании по заготовке кристаллов в Терра-Нова, я направился по южному маршруту, разработанному Андерсоном из космоса. Идти было трудно — после дождя джунгли здесь почти непроходимы. Должно быть, именно влага дает всем этим ползучим и вьющимся растениям прочность кожи — даже с помощью ножа с ними меньше чем за десять минут не справишься. К полудню немного подсохло, растения стали нежнее и гибче, но и тогда я продвигался вперед медленно. Эти кислородные маски Картера невероятно тяжелы, даже с половинным запасом нетренированный человек далеко не уйдет. Маски Дюбуа с их губчатой структурой резервуара — вместо трубчатой Картера дают, при том же весе в два раза больше воздуха.

Прибор для обнаружения кристаллов работал отлично, подтверждая направление, разработанное Андерсоном. Любопытно, как хорошо действует на практике принцип структурной близости — без всяких накладок, которые то и дело случаются, когда имеешь дело с «волшебной лозой» у себя на планете. Здесь в радиусе двадцати миль должны быть большие залежи кристаллов, хотя, думаю, эти чертовы люди-ящеры здорово их стерегут. Возможно, они считают, что мы зря торчим на Венере из-за кристаллов, так же как и мы думаем, что они не от большого ума лезут в грязь, где только ее ни увидят, или держат на пьедестале в своем религии — они ведь не видят в кристаллах никакого другого проку, кроме как молиться на них. За исключением этих своих кроме как молиться на них. За исключением этих своих религиозных символов, ящеры готовы поделиться с нами всем остальным, но даже если бы они и поняли подлинную ценность своих камней, то все равно их хватило бы на обе наши планеты. Мне, во всяком случае, надоело обходить охраняемые крупные скопления кристаллов, выискивая отдельные экземпляры в зарослях по берегам рек. Иногда мне хочется, чтобы с родины прибыли отборные воинские части и уничтожили всех этих чешуйчатых недотеп. На всю операцию хватило бы двадцати кораблей с солдатами. Ведь несмотря на все их города и башни, никому и в голову не придет считать этих ублюдков людьми. Они умеют только строить жилища, да еще метать отравленные стрелы и биться мечами, и я не думаю, что их так называемые «города» чем-то отличаются от муравейников или поселений бобров. Сомневаюсь, что у них есть настоящий язык. Все эти предположения о телепатической связи посредством щупалец, расположенных у них на груди, кажутся мне чистым бредом. Просто всех вводит в заблуждение их прямая осанка — чисто случайное сходство с земным человеком.

Хотелось бы хоть раз пройти через джунгли и не угодить по дороге в их засаду, не попасть под град дротиков. Может, они были и ничего поначалу, когда мы еще не отбирали у них кристаллы, но теперь как с цепи сорвались — то стрелами забросают, а то норовят перерубить водный шланг. Я начинаю приходить к выводу, что у них есть что-то вроде шестого чувства. Никто из них не нападает на человека — разве что издали метнет дротик, — если у того нет при себе кристалла.

Около часу дня пущенная стрела чуть не снесла у меня с головы шлем, и на какой-то момент я решил, что порвана одна из кислородных трубок. Эти хитрые beasts двигались совершенно бесшумно, и трое из них окружили меня. Их трудно было различить в зарослях, цветом они с

ними сливались, но по шорохам и по еле заметному покачиванию лиан я все-таки выследил их и уложил всех разом из огнемёта. Один оказался восьми футов роста, с хоботом, как у тапира, двое других были середнячками, футов по семи. Они держатся только благодаря своему численному превосходству, а так один взвод с огнемётами мог бы основательно потрепать этот народец. Странно, однако, что именно они стали хозяевами планеты. Остальные — акманы и скоры, из пресмыкающихся, и летающие тюкасы, которые живут на другом континенте, — значительно уступают им в интеллекте. Впрочем, возможно, в норах на Дионеанском плоскогорье скрываются еще какие-нибудь существа.

Около двух часов стрелка моего детектора отклонилась на запад, указывая местонахождение единичных кристаллов. Это совпадало с расчетами Андерсона, и я соответственно изменил направление. Идти стало труднее — путь шел в гору, и еще потому, что вокруг кишмя кишели разные животные. Я бил ножом угратов и давил скор, а мой кожаный комбинезон был весь усыпан семенами лопающегося при малейшем прикосновении дароха, который прямо-таки устилал мне путь. Туман едва пропускал солнечный свет, и потому грязь не высыхала. Ноги при ходьбе погружались на пять-шесть дюймов, каждый раз приходилось их с хлюпаньем вытаскивать. В таком климате, конечно, следовало бы носить костюмчик не из кожи. Обыкновенная материя здесь бы сгнила; тонкая металлическая нервущаяся ткань вот что здесь нужно.

В три часа тридцать минут я поел, хотя какая уж тут еда, просто проглотил чертовы таблетки. Вскоре я отметил, что пейзаж вокруг меня резко переменялся, появились яркие, видимо, ядовитые цветы, постоянно меняющие цвет и время от времени принимающие призрачные очертания. Все вокруг мерцало, и яркие вспышки света появлялись то там, то тут, как бы танцуя в замедленном, но четком ритме. Температура в унисон с ритмической вибрацией также начала колебаться.

Глубокая, равномерная пульсация, казалось, сотрясала все вокруг, заполняя каждый уголок пространства и проникая во все клетки тела и мозга. Я утратил чувство равновесия и брел вперед, пошатываясь, как пьяный. Попытался было закрыть глаза и прикрыть руками уши, но легче не стало. Сознание у меня, однако, оставалось ясным, и спустя некоторое время до меня дошло, в чем тут дело.

Я встретил, наконец, одно из тех необычных растений-миражей, о которых много рассказывали мои товарищи. Андерсон тоже предупреждал меня и описал их внешний вид довольно точно: шершавый стебель, колючие листья, пестрые цветы. Их вызывающий галлюцинации аромат проникает сквозь любую защитную маску.

Помня, что приключилось три года назад с Бейли, я впал в панику и рванул из всех сил вперед, хотя еле держался на ногах в этой тяжелой, погружающей в безумие атмосфере. Затем здравый смысл вернулся ко мне, и я понял, что нужно просто свернуть в сторону от опасных цветов, уйти от источника пульсации и, резко сменив направление, постараться идти как ни в чем не бывало, пока не окажусь вне радиуса действия растений.

Все в глазах у меня кружилось с бешеной скоростью, но я постарался выбрать нужное направление и начал прорубать себе путь. Видимо, далеко не прямой, потому что, как мне показалось, миновали часы, прежде чем я освободился от всепроникающего удушливого аромата. Постепенно танцующие огоньки исчезали, прекратилась и пульсация, мир вновь обрел устойчивость. Почувствовав себя в безопасности, я взглянул на часы и с удивлением увидел: четыре часа двадцать минут. Мне казалось, что прошла вечность, а на самом деле мое приключение продолжалось немногим более получаса.

Любое промедление было, однако, нежелательным, ведь я и так потерял время, спасаясь от этих растений. Собрав все свои силы, я решительно устремился вверх по склону холма, куда указывал детектор. Пробираясь сквозь заросли было по-прежнему трудно, но живности попадалось меньше. Только один раз плотоядное растение обхватило мою правую ногу и держало так цепко, что мне пришлось высвободиться с помощью ножа, изрубив кровожадный стебель в клочья.

Примерно через час заросли поредели, а к пяти часам я пересек рощу гигантских древовидных папоротников с небольшим подлеском и вышел на открытое, заросшее мхом плато. Я шел быстро — детектор показывал, что разыскиваемый мною кристалл где-то поблизости. Странное дело, ведь большинство этих одиночных яйцеобразных сфероидов отыскивалось по берегам речушек в самой глубине джунглей, и уж никак не на равнине, лишенной всякой растительности.

Плато медленно поднималось вверх, увенчиваясь скалистым гребнем. Вершины я достиг в пять часов тридцать минут и увидел перед собой довольно большую поляну, окаймленную вдали лесом. Это было явно то плоскогорье, которое пятьдесят лет назад заметил из космоса и нанес на карту Матсугава, назвав его Эриксом. Почти в центре его находился предмет, при виде которого у меня от радости сильно забилося сердце. Он ярко сверкал, несмотря на довольно плотный туман, и, казалось, целиком поглотил всю интенсивность света, которую туман похитил у солнечных лучей. Да, это, несомненно, был тот самый кристалл, который я разыскивал, — не больше куриного яйца, но в нем столько энергии, что ее на год хватит для обогрева целого города. Не удивительно, думал я, созерцая отдаленный блеск, что эти жалкие люди-ящеры поклоняются кристаллам, хотя и не имеют ни малейшего понятия об энергии, которая таится в них.

Я перешел на бег, стремясь как можно скорее завладеть долгожданным призом, и меня очень раздосадовало, что плотный мох уступил вскоре место вязкому месиву, в котором изредка проступали кочки, заросшие травой и вьюнками. Но я шлепал прямо по грязи, не раздумывая и не остерегаясь людей-ящеров. На таком открытом пространстве они вряд ли устроят засаду. По мере моего приближения блеск кристалла все возрастал, — похоже, мне попалось нечто уникальное, превосходнейший экземпляр! Перепрыгивая с кочки на кочку, я ликовал.

С этого момента мне надо особенно тщательно обдумывать записи для будущего отчета, потому что придется излагать события совершенно невероятные, которые, к счастью, легко доказать. В превосходном расположении духа я спешил вперед; до кристалла, лежавшего среди мерзкой жижи (не странно ли?) на некоем возвышении, оставалось каких-то сто ярдов, когда внезапно страшная сила ударила меня в грудь и отшвырнула прямо в грязь. С минуту я лежал на спине, не шевелясь и ничего не соображая от неожиданного потрясения. Потом с трудом поднялся на ноги и почти бессознательно начал счищать с комбинезона налипшую грязь.

Я не понимал, что со мной случилось. Что меня откинуло с такой силой? Передо мной ничего не было. Может, я сам шлепнулся в грязь? Однако в кровь разбитые фаланги пальцев и ноющая грудь убеждали в другом. А может, все случившееся — просто галлюцинация, вызванная где-то притаившимся растением-миражом? Но нет, маловероятно, обычных симптомов отравления я не ощущал, а кроме того, на таком открытом месте это яркое и ни на что не похожее растение бросалось бы в глаза. Будь я сейчас на Земле, мог бы предположить, что здесь установили барьер системы «N», загораживающий запретную зону, но в этом Богом забытом месте такое даже предполагать было нелепо.

Собравшись с духом, я решил осторожно обследовать все вокруг. Держа в вытянутой руке нож,

чтобы он первым встретил препятствие, я снова направился к сверкающему кристаллу, ступая шаг за шагом с величайшей осторожностью. На третьем шаге мой нож наткнулся на твердую поверхность, которую глаза мои не видели.

После минутного замешательства я осмелел. Вытянув вперед левую руку в перчатке, я убедился, что передо мной плотное невидимое препятствие. Или же это тактильная галлюцинация? Проведя рукой по преграде, я убедился, что она уходит в обе стороны — сплошная, гладкая без всяких стыков плоскость. Раздираемый любопытством, я снял перчатку и обследовал преграду голой рукой. Она в самом деле была твердой и гладкой, как стекло, а по контрасту с теплым воздухом — холодной, как лед. Я до предела напряг зрение, тщательно стараясь различить хоть какие-то признаки материала, из которого сделана эта странная конструкция. Судя по пейзажу впереди, здесь не действовал закон преломления света. Не отражала эта плоскость и солнечных лучей.

Любопытство мое возрастало, вытесняя все прочие эмоции, и я возобновил свои эксперименты. На ощупь установил, что невидимая преграда начинается у самой земли и уходит вверх, высоту ее мне не удалось установить. И в длину она тянулась в обе стороны на неопределенное расстояние. Следовательно, это стена, хотя и неясно, из какого она материала и каким служит целям. Я опять подумал о растении-мираже, но, поразмыслив, окончательно выбросил это предположение из головы.

Постукивая по барьеру рукояткой ножа и носками тяжелых ботинок, я старался по звуку догадаться о природе материала. Особый бетон? Похоже, хотя на ощупь вещество больше всего напоминает стекло или металл. Несомненно, я встретился с чем-то необычным, что не вписывается в рамки моего предыдущего опыта.

Следующим логическим действием стала попытка выяснить размеры стены. Труднее всего будет определить ее высоту, может, это вообще не удастся. Легче разобраться с длиной и формой. Я начал осторожно продвигаться влево и уже через несколько шагов понял, что стена не прямая, а скорее всего идет огромным кругом или эллипсом. Но тут мое внимание переключилось на другой объект, связанный с кристаллом, до которого я так до сих пор и не добрался. Как я уже говорил, издали казалось, что сверкающий предмет занимает какое-то странное положение, будто лежит на большом возвышении, выступающем из грязи. Теперь, находясь от него на расстоянии в сотню ярдов, я смог сквозь туман различить, что же это за возвышение. Это было тело человека в кожаном комбинезоне. Он лежал на спине, а немного поодаль, в грязи, валялась кислородная маска. В правой руке, судорожно прижатой к груди, он держал приведший его сюда кристалл — необычайно крупный сфероид, настолько большой, что еле помещался в руке мертвеца. Даже издали было видно, что человек умер недавно. Следов разложения почти не заметно, а в здешнем климате это означает, что смерть наступила не более чем сутки назад. Скоро на труп налетят мерзкие мухи-фарноты. Интересно, кто этот человек? Он прилетел со мной. Наверняка один из старожил, отправился в долгую заготовительную экспедицию и забрел сюда случайно, ничего не зная об исследованиях Андерсона. Теперь же все проблемы для него закончились и он спокойно лежит, зажав в окоченевшей руке сверкающий кристалл.

Я простоял так минут пять, озадаченно глядя на труп. Мной овладела смутная тревога, невыносимо хотелось бежать отсюда прочь. Причиной смерти не могли быть люди-ящеры, ведь кристалл по-прежнему оставался у мертвеца. Есть ли здесь какая-нибудь связь с невидимой стеной? Где он нашел кристалл? Прибор Андерсона зарегистрировал наличие в данном районе кристаллов задолго до того, как этот человек погиб. Теперь невидимая стена казалась мне чем-то зловещим, и я с содроганием отшатнулся от нее. Но деваться некуда — нужно разгадать эту тайну как можно скорее, причем, помня о недавней трагедии, вести себя очень осторожно.

Прикидывая так и эдак, я догадался, как проще всего определить высоту стены или хотя бы понять, можно ли вообще это сделать. Захватив пригоршню грязи и подождав, пока она немного обсохнет, я швырнул ее в прозрачную стену, целясь как можно выше. На высоте около четырнадцати футов ком глухо стукнулся о невидимую преграду, расползся и потек вниз густым месивом, которое почему-то исчезало на глазах. Ясно, стена высокая. Второй ком, брошенный уже на высоту восемнадцати футов, опять стукнулся о невидимую поверхность и так же быстро исчез, как и первый.

Собравшись с силами, я решил бросить третий ком еще выше. Отжал его покрепче и дал получше обсохнуть. Затем швырнул вверх под таким острым углом, что он мог бы и не долететь до стены. Однако он благополучно долетел и даже перелетел, шлепнувшись с гулким плеском в грязь на другой стороне. Теперь я приблизительно представлял себе высоту преграды — что-то около двадцати футов.

Не стоило даже пробовать взобраться на вертикальную, абсолютно гладкую стену такой высоты. Следовательно, надо идти вдоль нее в надежде отыскать вход, отверстие или что-либо в этом роде. Какой она формы — в виде круга, замкнутой фигуры, а может, всего лишь дуги или полукруга? Приняв решение идти вдоль стены, я зашагал влево, водя руками по невидимой поверхности на тот случай, если нащупаю окно или другое отверстие. Перед тем как отправиться в путь, я попытался как-то обозначить отправную точку вырыл ногой в грязи ямку, однако она тут же затекла. И все же я запомнил это место, приметив в леске вдали высокий сайкад, который находился на одной прямой со сверкающим кристаллом. Теперь, если стена окажется замкнутой, можно будет это определить, очутившись снова на том же месте.

Немного пройдя вдоль стены, я решил, что она, скорее всего, образует окружность диаметров около ста ярдов. Неужели этот человек лежит внутри замкнутого пространства? Это мне предстояло вскоре узнать.

Описав полукруг, я пришел к выводу, что труп действительно внутри. Вгляделся в лицо мертвеца с близкого расстояния и понял, что человек был сильно испуган, это запечатлелось в его остекленевших глазах. Он напомнил мне по внешности Дуайта, ветерана, с которым я лично не был знаком, но видел в прошлом году в центре. Кристалл, который он сжимал в руках, был поистине прекрасен — крупнейший из всех виденных мною.

Как раз в тот момент, когда я очутился так близко от тела, что мог, не будь стены, до него дотянуться, моя рука, продолжая скользить по невидимой поверхности, вдруг наткнулась на острую грань. Очень скоро мне удалось определить, что это край отверстия шириной в три фута; проем начинался у самой земли и кончался где-то выше моего роста. Никакой двери не было — ни сейчас, ни, видимо, раньше: по краям отверстия отсутствовали петли. Не раздумывая, вошел я внутрь и сделал два шага к расprostертому в грязи телу, которое лежало поперек невидимого коридорчика. Любопытная подробность — пространство и внутри оказалось разделенным прозрачными перегородками.

На теле трупа не было следов насилия. Это не удивило меня: кристалл находился на месте, следовательно, квазирептилии-аборигены тут ни при чем. Озабоченный загадкой этой смерти, я опять обратил внимание на лежащую у ног мертвеца кислородную маску. Это уже что-то. Без нее ни один человек не может дышать атмосферой Венеры дольше тридцати секунд. Дуайт — если это он, очевидно, потерял маску. Может, плохо ее застегнул и ремешки не выдержали веса трубок? С маской Дюбуа такого бы не случилось. А с этой за тридцать секунд поломку не исправишь. Да и цианогена могло быть в атмосфере больше обычного. Вполне возможно, что он залюбовался кристаллом. Вынул его, наверное, из кармана — вот и клапан расстегнут.

Пытаясь освободить кристалл из окостеневших рук мертвого старателя, я понял, что задача эта не из легких. Сам сфероид был больше человеческого кулака и переливался, как живой, в красноватых лучах заходящего солнца. Дотронувшись до сверкающей драгоценности, я непроизвольно вздрогнул: показалось, что, взяв ее, я как бы приобщаюсь к трагической судьбе ее прежнего владельца. Впрочем, сомнения скоро рассеялись, и я положил кристалл в карман моего кожаного комбинезона.

Закрыв шлемом лицо мертвеца с устремленными в пустоту глазами, я выпрямился и вошел через невидимый проем в коридорчик.

<http://tl.rulate.ru/book/43725/1018982>